

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ

ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2025 – 2026 уч. г.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

Время выполнения – 4,5 астрономических часа (270 минут)

9 КЛАСС

Максимальное количество баллов – 85 баллов

ЗАДАНИЕ I. ТЕСТОВОЕ (20 баллов)

Задание 1.1. В поисках текста...

5 баллов

Прочитайте вопросы и утверждения о произведениях древнерусской и русской литературы XVIII-XIX в. Назовите произведения и авторов произведений, о которых идет речь. Обратите внимание одно и то же произведение может встречаться несколько раз. Вам будет начислено по 1 баллу за каждый правильный ответ.

1. Сюжет какого произведения русской литературы XIX в. основан не на традиционном для классицистической традиции любовном треугольнике, а на любовном «многоугольнике», нарушающем эту традицию?
2. Какое произведение русской литературы XIX в., отмечая сопряжение в нем элементов классицизма, романтизма и реализма, некоторые исследователи относят к синкретическому реализму?
3. В каких произведениях русской литературы XIX в. авторская мораль декламируется в развернутых монологах героев-резонеров?
4. В каком произведении русской литературы XIX в. до кульминации героиня сопровождается мотивом белого цвета, символизирующего чистоту и непорочность?
5. В каких произведениях древнерусской и русской литературы XIX в. силы природы становятся полноправными участниками сюжета?

Таблица 1.

№ п\п	Имя автора и наименование произведения	Баллы
1		
2		
3		
4		
5		
	Итого	

Задание 1.2. Сны и жизнь...**9 баллов**

Как известно сны в литературном произведении важные элементы сюжета. Часто сон мотивирует прозрение, пророчество, предчувствие героя, именно во время сна к герою приходят важные для дальнейшего движения сюжета мысли, происходит, перемещение героя из яви в ирреальное пространство, открываются потаенные глубины его психологического состояния, сюжет переходит на символический уровень, фиксируется разрыв между реальностью и воспоминаниями или фантазией. Прочитайте пересказы сюжетов снов, представленные ниже, и определите: Какой герой, какого произведения видел этот сон? Какую функцию в сюжете произведения выполняет сон персонажа? Помните, один сон может выполнять несколько функций.

В бланк ответа запишите:

- имя персонажа, видевшего сон (графа 1) — 1 балл,
- наименование произведения и автора произведения, герой которого видел сон (графа 2) — 1 балл,
- укажите функцию(-ии) сна в сюжете произведения (графа 3) – 1 балл.

1. Сюжет сна-бредя рассказывает герой. В нем он оказывается на влажном дне реки, во мгле, он чувствует, как холодная струя вливается ему в грудь, испытывает одновременно страх и блаженство и видит над собой красоту хрустальных волн и преломляющиеся в них лучи солнца, рыбок пестрые стада, одна из них золотая зеленоглазая шептала ему странные речи: просила, чтобы он остался с ней и ее сестрами, погрузился в чудесный сон, говорила о любви.

2. Сюжет сна рассказывает героиня. В своем рассказе она упоминает цветистый луг, траву, милого человека, говорит о его робости и бедности, упоминает темную комнату, разверзшуюся бездну и появление из нее родителя с вздыбленными волосами, не людей и не зверей, стон, рев, хохот, свист чудовищ и рассказывает о пробуждении от звуков голоса, звущащего за пределами комнаты.

3. Сюжет этого сна рассказан самим героем. Герой испытывает сильное беспокойство, он предчувствует беду, потому что во сне он видел, как его готовят к похоронному обряду. Упоминаются черный саван, синее вино, колчаны, иноземный жемчуг, опустевший терем без конька, вороний гай.

Основные функции сна в художественном произведении.

1. Сюжетная функция — сон двигает действие вперед, становится катализатором событий.
2. Пророческая функция — сон является предзнаменованием будущего, способом проявления судьбы или потусторонней воли.
3. Психологическая функция — сон отражает внутреннее состояние героя, его страхи, комплексы, вину, желания.
4. Символическая функция — сон является аллегорической формой философского или морального содержания.

5. Функция обозначения границы между мирами — сон размыкает грань между реальным и воображаемым, между жизнью и смертью.

Таблица 2.

№ п/п	Имя персонажа	Наименование произведения и его автор	Функция в сюжете и дальнейшие события сюжета произведения	Баллы
	1	2	3	
1				
2				
3				
Итого				

Задание 1.3. Счастье творчества

6 баллов

Прочитайте стихотворения Андрея Шутова, опубликованные в 2025 году в Читальном зале Союза писателей XXI в.¹ под названиями «Тишина — великая музыка», «Белое и черное». Запишите ассоциации, которые возникают у вас при их прочтении.

Таблица 3.

№ п/п	Стихотворение	Ассоциации	Баллы
1.	Знойное лето. Дожди — будто праздники. Бог нас услышит.		
2.	Тишина — великая музыка. Ее мы не можем расслышать, поэтому идем в никуда.		

¹ Шутов А., Тишина — великая музыка [Электронный ресурс] // Reading Hall. Зинзивер № 2 (146), 2025 года.
— URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=36323> (дата обращения 17.10.2025 г.).

№ п/п	Стихотворение	Ассоциации	Баллы
3.	Белое отыщет черное, чтобы убить в нем темное и превратить его в светлое или небесное...		
Итого			

ЗАДАНИЕ II. АНАЛИТИЧЕСКОЕ (45 баллов)

Выполните целостный анализ одного из предложенных текстов (прозаического ИЛИ стихотворного). Вы можете опираться на вопросы после текста или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Вариант 1. Прозаический текст

Прочитайте рассказ Федора Сологуба «Лелька» и выполните целостный анализ прозаического текста. При необходимости опирайтесь на предложенные после текста направления для анализа.

Федор Сологуб²

Лёлька

Вечерело. Я шел за город побродить на берегах нашей мелкой, порожистой реки. В старину она была многоводна, пролегал по ней великий путь из Чуди в Русь, — а теперь она давно уж обмелела, сжалась в своем широком русле, как червяк на зеленом листе, и

² Фёдор Кузьмич Сологуб (настоящая фамилия — Тетерников; 17 февраля (1 марта) 1863, Санкт-Петербург — 5 декабря 1927, Ленинград) — русский поэт, писатель, драматург, публицист, переводчик. Принадлежал к символистам «старшего» поколения (вместе с З. Гиппиус, Н. Минским, И. Анненским, К. Бальмонтом, В. Брюсовым).

затихла, — и сжался, затих и приуныл над ее берегом, извилистым и крутым, когда-то богатый город Тихий Омут.

Вечер стоял тихий, теплый, благоухающий свежими веяниями нежаркого лета, полный очарования, как нежная колыбельная песенка. Солнце было уже низко: багряно-желтый круг его почти касался мгlisto-синей черты горизонта; темно-лиловые тучки с золотыми краями были разбросаны по розовому небу заката. Все небо заливали восхитительно-мягкие переливы голубых, алых и палевых оттенков; узкие полоски тонких облачков желтели и белели на нем, как прилипшие к нарядному платью засохшие стебли. Прощальные солнечные лучи убирали в пурпур бедные городские лачуги. Серая пыль иногда подымалась от набегавшего ветра, влеклась по немощным улицам и тихонько ложилась на землю.

Я вышел на обрывистый берег реки. Откосы другого берега начинали терять свои ярко-пунцовые краски; только верхи крутых обрывов еще сверкали темно-красною, как медь, глиною. Внизу слегка дымился туман, еще почти не видный, заметный лишь по тому, как скрадывались им очертания берега: словно прильнула река близко-близко к обрывистым берегам и, тая, целовала их, и таял угрюмый берег, целуя журчащую воду.

Глинистая тропинка бежала между откосами берега и широкими полями. Кусты ползли вниз по откосам, цепляясь за землю изогнутыми ветвями и схватываясь ими друг с другом, словно сгорбленные старушки, тихо ползущие в гору. Становилось в воздухе свежее.

Берег понижался. В прозрачной полумгле, которую ласково бросали на меня ивы с пониклых ветвей своих, меня обнимала нежная прохлада; воздух вливался в грудь, как сладкий напиток, возбуждающий трепет сил и жажду жизни, навевающий отрадные мечтания. Легкая задумчивость овладела мною.

Вдруг услышал я детский голос, звонко и отчетливо выговаривавший стихи:

Не знаю отчего, но на груди природы,
Лежит ли предо мной полей немая даль,
Кольшет ли залив серебряные воды,
Иль простирает лес задумчивые своды,
В душе моей встает неясная печаль...

А вот и он, маленький чтец. Лицом к реке, под ивою, прислонясь к ее стволу спиною и рассеянно глядя вдаль, сидел тоненький мальчик в ситцевой рубаше и помятой шапке. Ему по лицу можно было дать лет тринадцать; он был, очевидно, мал для своего возраста. На бледном, нервно-подвижном лице, слегка смуглом и загорелом, мечтательно теплились кроткие карие глаза. Так они пристально смотрели куда-то далеко, что мальчик и не видел меня, даже когда совсем близко подошел я к нему.

Он говорил стихи на память и, сложив руки на коленях, слегка покачивался взад и вперед. Говорил он их задушевно и просто, как будто это были не чужие для него слова.

Было так странно видеть этого босого мальчугана, который читает стихи, вряд ли ему вполне ясные.

Она — всегда немая Галатея,

А я — страдающий, любя, Пигмалион... —

закончил мальчик и повел вперед сжатыми руками.

Я молча стоял сбоку, немного позади его. Он повернулся, бросил на меня рассеянный взгляд, приметил меня и быстро вскочил на ноги.

— Хорошо ты читаешь, молодец! — сказал я.

Он покраснел и молчал. Видно было, что ему хочется уйти. Но я решил как-нибудь удержать его. Невдалеке от реки я заметил небольшой домик, старенький, погнувшийся, с небольшими тусклыми окнами.

— Ты не здесь ли живешь? — спросил я, показывая на эту лачугу.

— Да, — тихо ответил мальчик.

Это был самый крайний дом подгородной слободы Подолешья, населенной бедным людом. На плетне, которым обнесен был двор, я увидел растянутые сети. У берега виднелась лодка, привязанная непрочною, с узлами, бечевкою к тому дереву, под которыми мы стояли.

— А это — твоя лодка? — спросил я.

— Отцова, — ответил мальчик.

— А ты с нею справишься?

Мальчуган легонько усмехнулся.

— Справлюсь, что ж, — сказал он.

— Так прокати меня по реке. Я тебе заплачу, — сказал я.

Мальчик глянул на меня и ответил:

— Ладно, вот только у отца спрошусь.

Он побежал в избу. Через минуту на пороге ее показался хозяин, — маленький, тощий человек с мочальною бородкою и смирною улыбкою на бледном лице. Он подошел ко мне, кланяясь с некоторым подобострастием. Я и ему сказал, чего хочу. Он вызвался сам сесть со мною. Я отказался.

— Справимся с мальчуганом, — сказал я.

Тогда он суетливо задвигался по двору, покрикивая на сына:

— Ну живей, живей, Лелька, пошевеливайся.

Лелька побежал в сарай за веслами, потом в избу, собрался в миг, — и выбежал ко мне.

Вот уселись мы вдвоем на узеньких и неудобных беседочках лодки; вода тихо зашумела под веслами. Мы плыли вниз по течению. Я скоро взял у мальчика весла и сел посреди лодки. Мальчик не обнаруживал большой охоты говорить и вначале только отвечал на вопросы. Но мало-помалу мы разговорились.

— Любишь ты стихи? — спросил я.

— Люблю, — ответил он, слегка краснея, и прибавил вдруг, засмеявшись и весело взмахнув головою, — я много стихов знаю.

— Учишься где-нибудь? — опять спросил я.

— Учусь, как же, — в городское училище хожу. Прежде ходил в приходское. Кончил там, — отец меня сперва хотел к сапожнику отдать в ученье, — а я ему говорю: я лучше, говорю, в городское училище поступлю, там тоже мастерская есть. Ну отец и согласился. Я и поступил в училище, и в столярную стал тоже ходить, у нас при училище есть столярная. Теперь еще два года остается.

Меж тем вечерняя мгла сгущалась внизу, и только на небе еще теплились розоватые, потухающее отблески догоревшего дня. Плеск весел по воде раздавался мягко и звучно. Было тихо, — мы тихо разговаривали, берега медленно двигались, течение несло нас вперед.

Берега раздвинулись, река разлилась вдвое шире, заструилась ленивей и глаже; перед нами легла сероватая гряда камней, мельничная запруда. Все слышнее и слышнее доносилось до нас журчание воды, которая, лениво переливаясь через плотину, падала на фашинник и камни. Мы подъехали близко к запруде, — и повернули назад. Опять береговые тени побежали навстречу взмахам весел.

Я попросил мальчика прочесть мне еще какие-нибудь стихи. Он сперва застыдился, но потом все-таки прочел мне два стихотворения, — из Лермонтова и Некрасова. Мне стало грустно; рассеянно слушая, вспоминал я, что все подростки, все юноши, которых я встречал, предпочитали стихи с печальным содержанием.

Он помолчал.

— А вот, я вам еще скажу стихи, — промолвил он, слегка дрогнувшим голосом, почему-то смущаясь больше прежнего.

— Прочти, милый, — сказал я, — ты хорошо читаешь.

Он сказал незнакомое мне стихотворение. Сначала голос его был робок и тих, но мальчик быстро справился со своим волнением.

Стихи были слабы по форме, но подкупали искренностью и свежестью чувства.

— Чьи же это стихи? — спросил я, когда он кончил.

Мальчик покраснел, засмеялся, поежился и сказал тихонько:

— Мои. Самодельные, — прибавил он и глянул на меня смущенными и смеющимися глазами.

— Вот как! — сказал я с удивлением, — так ты, брат, сочинитель!

— Да. Только вы отцу не сказывайте, что я вам читал.

— А что?

— Да уж так. Пожалуй, опять достанется.

— А уж доставалось?

Мальчик помолчал немного, — и начал рассказывать по порядку.

— Сочинять-то стихи я давно начал, а только показать их некому было. Вот в прошедшую зиму я и надумал, дай, думаю, покажу их учителю. Ну, он прочел, — ничего, похвалил, — говорит, надо работать, ты, говорит, можешь научиться хорошие стихи писать. Стал мне книжки давать. Вот от него и другие наши учителя узнали. Ну вот, раз и вышло так, что меня батюшка по священной истории урок отвечать вызвал, а я не выучил в тот раз. И совсем не от стихов, а вовсе другая причина была. А батюшка и говорит: ты, говорит, только стихи сочиняешь, а уроков не учишь; еще и на нас, может быть, пасквили пишешь, говорит; погоди, говорит, вот я уже твоему отцу скажу. Отец у него печи тогда как раз чинил. Вот батюшка ему в тот же день на меня нажаловался.

Он опять помолчал, внимательно посмотрел на меня и продолжал:

— Ну, мне от отца шибко попало. Взялся, говорит, учиться, — это отец мне говорит, — так учись, а глупостями не занимайся. Денег то у меня нет, говорит, шальных, чтобы ты попусту в школе околачивался, к шорнику, говорит, отдам в ученье, коли еще чуть что. А коли в школу, говорит, хочешь ходить, так о пустяках и не думай. И взял все мои тетрадки со стихами да и пожог.

Он досадливо и стыдливо нахмурился при этих словах: видно было, что он сильно жалел об этих пожженных тетрадках.

— Так как же ты теперь? — спросил я.

— А теперь я потихоньку пишу и никому не показываю.

Становилось все темнее, надвигалась ночь. Мне было грустно и странно смотреть на этого мальчика. Что из него выйдет? Мечта представляла мне угол сарая, полуосвещенный отблесками тонких солнечных лучей, пыльными спицами бегущих из многочисленных щелей в стенах и в потолке; там, на сене, мальчик с пылающим лицом и с блестящими глазами; в руках у него карандаш и тетрадка; взволнованно дышит грудь, озабоченное лицо выдает тайну недетского напряжения мысли. Не преждевременно ли это напряжение? Не бесплодно ли оно? Или и точно это сила, стремящаяся найти себе исход в свободной деятельности, — сила, которая победит препятствия?

Лодка причалила к берегу возле городского бульвара. Я молча вышел из лодки на шаткие доски, прилаженные для прачек, и опустил в Лелькину руку две серебряные монеты. Он весело поблагодарил меня, сунул деньги, не поглядев на них, в карман, уселся и веслом отпихнул от берега лодку. Плеснули весла, жалобно зароптали речные струи, плещась и разбегаясь, и повлекли за собою, в мглистый туман, остроносый челнок.

— Покойной ночи, — крикнул мне Лелька с реки, заметив, что я еще стою на берегу.

Звонкий голосок пронесся в ночной тишине, словно бряканье колокольчика, разбудил где-то далеко слабый и короткий отголосок, — и затих. И скоро затихли в отдалении мерные всплески весел.

1897 г.

Примечания:

Чудь — это собирательное название для древних финно-угорских племён в древнерусских источниках, а также мифологический народ, живущий в русских народных верованиях.

Тихий Омут — Возможно, имелся в виду Олонец — маленький городок в Южной Карелии, который в шутку называют «тихим омутом». Троп, описывающий маленькие сонные городки, в которых обычно ничего не происходит.

«Не знаю отчего, но на груди природы...» — стихотворение Семёна Яковлевича Надсона, русского поэта конца XIX века. Современники поэта, а также и позднейшие исследователи его творчества отмечали, что лирика Надсона испытала заметное влияние М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова. Этих поэтов сам Надсон очень ценил.

Выполняя целостный анализ произведения Федора Сологуба «Лелька», примите во внимание следующие особенности его содержания и формы специфику повествования: роль пейзажа в рассказе; соотношение повествовательных и лирических планов в тексте; роль включения лирических текстов других авторов в текст рассказа; образы повествователя и героя в рассказе; специфику диалога взрослого и ребенка; эмоциональную партитуру текста; роль лирики в жизни героя и повествователя; специфику конфликта в рассказе; сходство по проблематике с рассказом «Лелька» тексты. Какие тексты М.Ю. Лермонтова и Н.А. Некрасова мог читать герой рассказа повествователю?

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Вариант 2. Стихотворный текст

Прочитайте стихотворение Арсения Тарковского³ «Чего ты не делала только,...», которое входит во вторую часть в книги стихов «Перед снегом» (1941–1962), и выполните целостный анализ текста.

³ Арсений Александрович Тарковский (25 июня 1907, Елисаветград, Херсонская губерния, Российская империя — 27 мая 1989, Москва, СССР) — русский советский поэт и переводчик. Участник Великой Отечественной войны. Не подлежал призыву по состоянию здоровья. Обращался с просьбами о зачислении

Арсений Тарковский (1907 - 1989)

Чего ты не делала только,
 чтоб видеться тайно со мною,
 Тебе не сиделось, должно быть,
 за Камой в доме невысоком,
 Ты под ноги стлалась травой,
 уж так шелестела весною,
 Что боязно было: шагнешь —
 и заденешь тебя ненароком.

Кукушкой в лесу притаилась
 и так куковала, что люди
 Завидовать стали: ну вот,
 Ярославна твоя прилетела!
 И если я бабочку видел,
 когда и подумать о чуде
 Безумием было, я знал:
 ты взглянуть на меня захотела.

А эти павлиньи глазки' —
 там лазори по капельке было
 На каждом крыле — и светились...
 Я, может быть, со свету сгину,
 А ты не покинешь меня,
 и твоя чудотворная сила
 Травой оденет, цветами подарит
 и камень, и глину.

И если к земле прикоснуться,
 чешуйки все в радугах. Надо
 Ослепнуть, чтоб имя твое
 не прочесть на ступеньках и сводах

в действующую армию. 3 января 1942 года был «зачислен на должность писателя армейской газеты» и с января 1942 по декабрь 1943 года работал военным корреспондентом газеты 16-й армии «Боевая тревога». Для сбора информации Тарковский ходил, либо ездил на передовую через день. Тарковскому не раз довелось участвовать в боевых действиях. 7 апреля 1943 он был награждён орденом Красной Звезды. 13 декабря 1943 года Тарковский был тяжело ранен.

Сын поэта, писателя, журналиста и общественного деятеля Александра Тарковского (1862—1924); отец режиссёра театра и кино, сценариста, народного артиста РСФСР Андрея Тарковского (1932—1986). Книги стихов Арсения Тарковского: «Гостья звезда» (1929—1940), «Перед снегом» (1941—1962), «Земле — земное» (1941—1966), «Вестник» (1966—1971), «Зимний день» (1971—1979), «От юности до старости» (1933—1983) и др.

Хоро́м этих нежно-зеленых.
 Вот верности женской засада:
 Ты за ночь построила город
 и мне приготовила отдых.

А ива, что ты посадила
 в краю, где вовек не бывала?
 Тебе до рожденья могли
 терпеливые ветви присниться;
 Качалась она, подрастая,
 и соки земли принимала.
 За ивой твоей довелось мне,
 за ивой от смерти укрыться.

С тех пор не дивлюсь я, что гибель
 обходит меня стороною:
 Я должен ладью отыскать,
 плыть и плыть и, замучась, причалить.
 Увидеть такую тебя,
 чтобы вечно была ты со мною
 И крыл твоих, глаз твоих,
 губ твоих, рук — никогда не печалить.

Приснись мне, приснись мне, приснись,
 приснись мне еще хоть однажды.
 Война меня потчует солью,
 а ты этой соли не трогай.
 Нет горечи горше, и горло мое
 пересохло от жажды.
 Дай пить, напои меня. Дай мне воды
 хоть глоток, хоть немного.

1942 г. [Под Ивановом]

Выполняя целостный анализ произведения Арсения Тарковского, примите во внимание: специфику образов героя и героини; элементы прошлого и настоящего времени в тексте, вписывающие его в литературную традицию (интертекстуальную и историческую основу сюжета стихотворения); мотивы жизни и смерти; лейтмотив стихотворения; жанрово-стилистические особенности текста (повторы – лексические и фонетические, использование стилистических оборотов, фрагментов цитат художественных и иных текстов); сходные по проблематике со стихотворением Арсения Тарковского «Чего ты не делала только...» стихотворения.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

ЗАДАНИЕ III. ТВОРЧЕСКОЕ (20 баллов)

Прочитайте условие задания и выполните его в форме связного текста.

Это гениально или все-таки гениально!

Прочитайте отрывок из рассказа Аркадия Аверченко «Человек, у которого были идеи». Герой этого рассказа Калакуций фонтанирует весьма неоднозначными идеями. Опишите свою юмористическую идею для журнала, используя художественный стиль и форму диалога между потенциальным издателем и автором идеи, не забудьте о юмористическом пафосе вашего диалога и о том, что все упомянутые вами художественные произведения должны быть реально существующими. Презентуя свою идею, учитывайте, что в описании идеи вам надо отразить:

1. Что ваш журнал нового типа и новых задач.
2. Для какой целевой аудитории он предназначен.
3. Что журнал «даст» вашим читателям.
4. Наименование вашего журнала.
5. Наименования разделов журнала.
6. Куда и как вы будете доставлять свой журнал подписчикам.
7. Темы трех ближайших номеров.
8. Те произведения русской литературы, которые вы включите в ваш журнал в соответствии с темами трех ближайших номеров, обоснование, почему именно эти произведения войдут в него.

Отрывок из рассказа Аркадия Аверченко «Человек, у которого были идеи»:

«Он энергично потер ладони одну о другую.

— Видите — первая идея уже дана. Но серьезно, когда вы увидите, что я за человек, вы должны меня прямо с руками оторвать.

— От чего?

— Как это так — от чего?

— От чего оторвать? Вы к чему-нибудь прикреплены?

— Увы, теперь нет. Служил в контроле сборов, но ушел, потому что служить где-нибудь мне равносильно, как если бы алмазом резать кисель. И вот теперь я свободен — пользуйтесь.

— Гм... Ну давайте-ка на пробу какую-нибудь идею...

— Идею? Попролам, конечно?... Слушайте! Прежде всего журнал! Мы должны издавать журнал совершенно нового типа и новых задач. Такого журнала, ручаюсь вам, еще не было и, держу пари, — не будет. Были журналы для актеров, для художников, даже для каких-то резчиков по металлу и текстильных рабочих... А такого не было.

— Для кого же будет ваш журнал?

Калакуций сложил руки на груди и, глядя на меня в упор, отчеканил:

— Журнал специально для потерпевших кораблекрушение!

Я вскочил с места.

— Ага! Вы поражены... Не удивительно ли, что до этого никто до сих пор не додумался. В самом деле, посмотрите-ка — кто больше всего нуждается в своем органе, как не эти заброшенные люди, для которых мой журнал будет другом, советником и помощником. Я думаю завести такие отделы: легкое чтение. В долгие томительные вечера, когда ветер шумит и свистит между прибрежных скал, а океан поет свою вечную песню, — это чтение даст бедняге отдых и успокоение... Затем отдел второй — практические советы. Как построить себе хижину, как находить съедобные сорта растений, а также способы охоты за животными. Третий отдел — почтовый ящик. Ответы на читательские вопросы по поводу...

— Один вопрос, — перебил я. — Где предполагается местопребывание ваших будущих подписчиков? Я полагаю, на необитаемом острове?

Он осторожно спросил:

— Почему именно на необитаемом?

— Да потому, что на обитаемых ему ваш журнал не нужен. Он найдет там все — от жилища до журналов — и без вас. Значит, остров необитаемый? Хорошо. Теперь предположим, человек путешествует на корабле; пока он не потерпел кораблекрушение — он и думать не будет о вашем журнале; пока этот журнал абсолютно не для него. Теперь: если он потерпел кораблекрушение — как он подпишется на этот журнал? Поймает птицу, привяжет к ней подписной билет и деньги и пустит ее лететь в вашу редакцию? А вдруг она не долетит? Вдруг ее убьют или ограбят любители чужого? Ну, скажем, она долетела по адресу. Как же вы будете рассылать ваш журнал по назначению?

— Я уже думал об этом, — сказал с легким беспокойством Калакуций. — Можно соорудить такие маленькие пакетботы, которые развозили бы...

— Да поймите вы, что если такой пакетбот пристанет к острову, то самое простое не вручать подписчику вашего журнала, а просто забрать беднягу на борт и привезти в Европу...»